

СТРУКТУРА МНОГОУРОВНЕВОЙ МЕХАНИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ (на примере агросферы)

Великий П.П., д.филос.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрены теоретические аспекты социальных ограничений в основных сферах общественной жизни. Обоснованы уровни социальных ограничений и специфика влияния их на элементы общественного организма. Выделены основные вызовы в агросфере, функционирующей в условиях социальных ограничений, и направления в научном осмыслении отношения к ним управления.

Ключевые слова: Социальные ограничения, вызовы, структура, агросфера, село, хозяйственные уклады, социально-демографические группы.

THE STRUCTURE OF MULTI-LEVEL MECHANICS OF SOCIAL LIMITATIONS (on the example of the agrosphere)

Velikiy P.P., doctor of philosophic sciences, IAgP RAS

The article deals with theoretical aspects of social restrictions in the main spheres of public life. The levels of social restrictions and the specifics of their influence on the elements of the social organism are justified. The main challenges in the agrosphere functioning in the conditions of social restrictions and direction in the scientific understanding of the attitude to management are singled out.

Keywords: social constraints, challenges, structure, agrosphere, village, economic structures, social and demographic groups.

Среди понятий, отражающих характеристики нестабильности общества, рассогласованного состояния его различных подсистем (опасности, риски, кризисы), вызовы артикулируются как результат творческой переработки состояния процесса и признание его не отвечающим идеалам, ценностям и стратегическим целям развития.

А.Д. Тойнби рассматривал вызовы как результат изменения общества, на который должен даваться ответ. Чередование вызовов и ответов на них образует ткань всей истории, а в конкретных условиях места и времени удачный ответ рождает «локальную цивилизацию». Иными словами, ответ – это творческое усилие, призванное разрешить конкретную проблемную ситуацию [1].

Осознание вызовов не отличается «монолитностью» и однозначностью: их могут глубоко ощущать граждане, но не признаваться значимыми властью. Одни вызовы требуют более крупномасштабного ответа, другие можно закрыть «косметическим ремонтом».

В реальных практиках функционирования общества, как и в артикуляции их, неизменно присутствуют ограничения. Управленцы охотно ссылаются на них, чтобы оправдать неизбежность негативности сложившихся ситуаций, нередко апеллируя к влиянию факторов международного уровня. Не лишено ограничений и научное осмысление реалий жизни из-за того, что влияние некоторых детерминаций недооценивается или вообще отбрасывается. Феномен ограничений проявляется и в сознательном искажении оценок ситуаций в целях укрепить доминирование одних социальных групп над другими.

В. Даль слово «ограничение» описывает как «ограничивать, ограничить – означить межи, грани, границы, пределы, рубежи, удерживать в известных пределах, умерять, обуздывать, стеснять, останавливать» [2].

Ограничение – это общее понятие, которое применимо к природным и социальным явлениям: год как оборот Земли вокруг Солнца с разными переменами состояния природы; жизнедеятельность человека имеет рубежи право- и дееспособности и в целом физической и профессиональной активности и, наконец, временной длительности его жизни. Ограничения не являются неким эффектом внезапно возникшей ситуации, хотя и такой вариант возможен, а в нее «входит не только ... наличное бытие в определенное время... но действием человек

вновь ограничивает себя» [3]. Т.е. речь идет об ограничениях-запретах «полезных» с позиции достижений либо общего блага, либо вынужденной необходимости (что не исключает ориентации на высоту нравственных законов). Социальные ограничения являются частным случаем понятия «ограничения» или разновидностью тех ограничений, которые существуют в архитектуре мироустройства. И то, что человек в нем сам ограничивает себя, дает основание рассматривать социальные ограничения в рамках субъектно-объектной парадигмы.

Влияние некоего объекта на субъект подчеркивается в определении социального ограничения, данного в Большом толковом социологическом словаре, согласно которому ограничитель (constraint) – это ограничивающее социальное влияние, ведущее индивида к соответствию социальным нормам или ожиданиям [4].

Актеры-субъекты социальных ограничений выступают в качестве ограничителей, а те, кто вынужден считаться с ними, являются объектами. Однако на каком-то одном уровне они субъекты, а на другом те и другие могут оказаться объектами ограничения. Например, в регионе, где производство и деловая жизнь находятся на низком уровне, при наличии богатых и бедных, хозяев (субъекты) и подчиненных (объекты) в целом все они, в том числе местные структуры власти зависят от величины дотаций, получаемых от федерального центра, являются объектами социальных ограничений.

Человеческая жизнь протекает не на уровне робинзонады, но среди других людей во взаимодействии с ними. В силу этого одни действия являются детерминантами других, тем самым ограничивая их. Поэтому социальные ожидания далеко не всегда сбываются, причем не по злему умыслу других, хотя и такое возможно. Человек высокой социальной компетенции не может не понимать, что ограничивая других, он ограничивает и себя как в позитивном, так и негативном смысле.

Социальные ограничения являются не только препятствием, но и средством самореализации человека. Любому ограничению соответствует как бы в зеркальной проекции какая-нибудь свобода или возможность. Особенно четко это конституируется в праве: праву на безопасность соответствует обязанность толерантности, праву на сохранение собственной собственности – бережное отношение и к чужой собственности. Свобода выбора актором своей позиции во многом обусловлена его ценностными установками, поэтому так важна для достижения согласованности его действий с другими актерами и институтами духовно-культурная компонента как индивидов, так и образованных государством структур – хозяйственных, социальных, политических. Наличие ограничительных моментов – неизбежность существования человеческих общностей. Они могут быть направлены не только на людей, но и на природу. Например, обработка пахотной земли без восстановления микроэлементов обедняет ее, а выращенные продукты теряют компоненты для нормального питания людей.

Во всем пространстве уровней взаимодействий члены социума выступают как объекты, испытывающие социальные ограничения, и как субъекты, ограничивающие путем собственной деятельности тех, кто создает границы жизнедеятельности. Например, сельский житель, возложивший на себя фермерские заботы, оказывается зависимым и от рядовых работников и технологий работы. Начав сев или уборку урожая, он пойдет на большой риск, если решит в это же время отправиться в отпуск. Точно так же специалист высокой квалификации на производстве, преподаватель учебного заведения не могут не пойти в установленное время к месту службы, как бы им не хотелось избежать этого. Однако и сами издатели ограничений зависят от тех, на кого они направлены: при разработке разных проектов (даже самые благоприятных с точки зрения снятия недостатков в социальной среде) нужно учитывать готовность людей принять их.

Противоречия, возникающие при этом, обуславливают особые требования к качеству управления. Весьма распространенным является метод принятия решений вслед и по поводу негативных событий. Часто на единичное экстраординарное происшествие депутаты Госдумы откликаются множеством законопроектов запретительного характера. В итоге даже законопослушному индивиду на каждом шагу стоят ограничения, которые сковывают его творческий потенциал.

Всеобъемлющим ограничением обладает ограничение экономическое. Функции его заключаются в регулировании энергетических, ресурсных возможностей субъектов жизнедеятельности, что осуществляется через институализацию собственности и практики ее использования, в которых нередко содержится немало элементов волюнтаризма, а то и криминала, как это имело место в российских реалиях на этапе начала рыночных преобразований (захват заводов и фабрик, территорий, на которых возводились сооружения без соблюдения норм законодательства). Преодоление этих ограничений к настоящему времени не снимает вопрос о доминировании экономизма как особого мировоззрения, абсолютизирующего функции экономики, которые поглощают и конвертируют в себе другие виды ограничений. «Одержимость экономикой», или состояние, когда человек крутится как белка в колесе, боясь проиграть в экономической гонке, ведет к деформации его потребностей [5]. Этому же способствует агрессивная реклама как средство манипулирования активными игроками рынка социальными ограничениями, подавляя реализацию возможностей рядового потребителя выходить за рамки обыденной жизни и материального интереса. Горизонты интеллекта и духовности сужаются: то, что нельзя увидеть, потратить, взвесить и сосчитать, становится малозначительным прежде всего для органов, ответственных за функционирование разных сфер и областей жизни. Свидетельством этого является переизбыток внедренных форм отчетности не только для людей, занятых в предметном мире, но и в образовании, культуре, медицине, спорте, муниципальном самоуправлении.

Характерной чертой эффекта экономических ограничений является постоянная нехватка денег для науки, культуры, образования, что тормозит и подавляет творческий потенциал социальных групп. Выполняя функцию структурирования распределения ресурсов, экономические ограничения открывают возможности для формирования одних направлений развития и подавляют другие. Ярким свидетельством этого являются реалии постсоветского села и аграрного сектора России. Эффект преимущественной поддержки крупного производства и оставление несильных групп жителей на уровне самовывживания (как и социальной инфраструктуры села) сформировали к настоящему времени ситуацию обезлюдения сельских территорий, подготовили исчезновение крестьянства. Для страны, в которой данный класс выполнял множество функций обеспечения ее выживания, это, несомненно, огромная потеря. Причем потеря невосполнимая, тем более что активизировались носители идеологии, доказывающей целесообразность сосредоточения АПК и сельского населения в пространстве городских агломераций, предавая остальное пространство (огромные территории!) полному забвению.

К экономическим наиболее близко по эффекту воздействия на человека примыкают технико-технологические социальные ограничения. Факт создания и наращивания техносферы, с одной стороны, ставит человека в зависимость от техники и в то же время не ликвидирует его зависимость от природы, с другой – она делает человека не столько субъектом, сколько объектом своего воздействия, заставляет принять своеобразные средства и стиль жизни, заговорить на их языке [6].

Социальные ограничения очень разнообразны по содержанию, функциям и направленности. Опираясь на идею П. Бергера взаимодействия человека и общества (общество в человеке и человек в обществе), представим себе схему социальных ограничений [7] (см. рис. 1).

Верхний уровень – концептуальный – строится на базе идей и задает обществу его ценностную, целевую, программно-деятельную ориентацию. Хотя они имеют идеальное содержание, но «идеи правят миром» и потому соотносимы с объективным смыслом социальных ограничений. Благодаря принятию социумом схожих нравственно-этических и правовых норм, эстетических установок, смыслов проектов и способов их достижения, научных парадигм и моделей функционирования экономики, задаются правила «социальной игры», вводя очень сложную комбинацию социальных ограничений. Более того, складывается кредо «достойного», одобряемого поведения, как в последние четверть века в нашей стране – произвести как можно больше продуктов и товаров и выгодно продать их. Данная установка в реальности оборачивается абсурдными ситуациями: часто регион выдвигается на первое место по торговым площадям, хотя потенциального покупателя там нет из-за бедности населения.

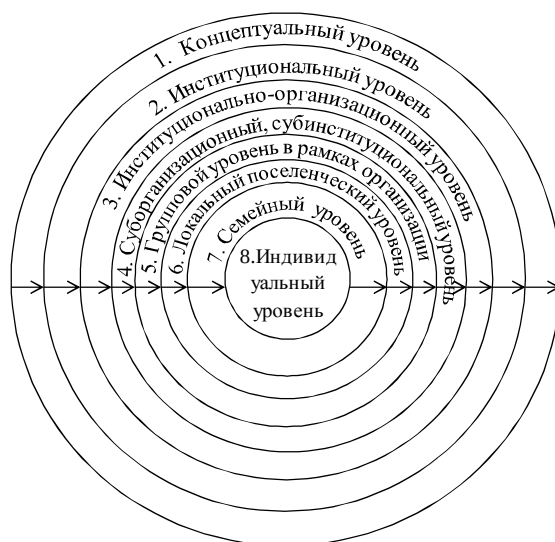

Рисунок 1 - Матрица ограничений

Следует также отметить, что этот уровень является полем борьбы сторонников, исповедующих разные исходные начала концепции развития общества и его отдельных структур. В России начало рыночных реформ в 1990-е годы проходило под знаменем смутно понимаемого либерализма, преувеличивая созидательную роль неконтролируемых государством потенций свободных субъектов. Однако ценности и цели этих субъектов, захвативших значительную долю государственной собственности, оказались далеки от национальных интересов. Поскольку дезорганизация производства и социальной жизни в результате реализации данной концепции превысила созидательные моменты, либералы стали допускать воплощение в нормотворчество элементов госкапитализма.

Существуют и другие подходы, но они находятся на уровне обсуждения в печати, в публичных дискуссиях представителей политических партий, но в решения государственной власти почти не воплощаются.

Второй уровень социальных ограничений – институциональный – гораздо ближе к реальным группам, общностям и индивидам: он воплощает ценностно-целевые установки и константы, заявленные в концептуализации настоящего и будущего нации и включается в нормы – правовые, информационно-образовательные, экономические, структурно-демографические, экологические, технико-технологические. Причем в зависимости от обстоятельств пространства, времени и вызовов глобального характера акценты в институализации сфер жизни могут смещаться, усиливая или ослабляя социальные ограничения.

Третий уровень – институционально-организационный включает в себя управление государственными и общественными органами и организациями, ответственными за ту или иную область жизни, на основе как базовых норм, так и издаваемых самими ведомствами.

Следующие – четвертый, пятый, шестой и седьмой уровни – объединены логикой интеракции, понимаемой как действие людей, в отношении друг друга и направлены на некие общие цели: в экономике, образовании, культуре, в обустройстве среды обитания. Он включает в себя также нормотворчество отраслевых ведомств (инструкции, профессиональные нормы труда, уставы и т.п.) и организационную деятельность по дисциплинированию кадров, их обучение и ротацию.

На *пятом уровне* сосредоточены ограничения, связанные с отношениями внутриколлективными – формального и неформального характера; на местном – в общности, сохраняющей признаки традиционной сельской общины (по модели Ф. Тенниса). Далее идет семья, которая является первичной школой социализации младшего поколения и где формируются в большей или меньшей степени качество и количество самоограничений.

В центре матрицы находится индивид, вся жизнедеятельность которого подвержена как внешним социальным ограничениям, так и внутренним, которые он накладывает на себя. Ог-

раничения индивида носят смешанный идеально-материальный характер, которым он сознательно или бессознательно подчинен (стереотипы мышления, модели поведения, способы самовыражения) и за пределы которых не может или не хочет выходить. В снятии данных социальных ограничений в той или иной степени активно участвуют как ближайший круг людей: семья, профессиональное сообщество, так и органы правопорядка в случае девиантного поведения (преступность). Завершая обзор матрицы, отметим, что все уровни предложенной модели социальных ограничений тесно связаны между собой по крайней мере доктринально. Иначе и не может быть, ведь человек присутствует в обществе, а общество – в человеке.

В реальности существуют разрывы этой взаимосвязи, принимая форму не только форму вызова, но опасности и угрозы, на которые требуется адекватный оперативный ответ, что мы покажем на примере сельской России.

Хотя к настоящему времени в сельской местности еще живет более трети населения страны, но процесс обезлюдения территорий приобрел угрожающий характер: в средних по людности селах число жителей неизменно сокращается, мелкие деревни исчезают совсем. Попытаемся выстроить социальные ограничения, во многом детерминирующие негативные процессы на селе, соотнося с уровнями (матрица 1) их расположения и воздействия, используя понятие «вызов». Вызовы возникают вследствие внешних воздействий, например, природных катастроф, действий террористических формирований, нерегулируемых миграционных потоков и т.п. Эффектом вызова в настоящее время обладает и смена экономических укладов, введение электронной экономики, отражающихся в сознании всех социальных групп, включая средний класс, как обесценивание значимости для получения рабочего места и карьерного роста образования, специальности, общей культуры.

Сам вызов, сформировавшийся на уровне разных по масштабам структур, на наш взгляд, является нарушением границ ограничения, которое хотя и присутствовало в жизни, но удерживало структуру в режиме соответствия институализации ее общественному предназначению.

Вызов является результатом широкого круга социальных ограничений. Опираясь на предложенную матрицу, рассмотрим смыслы важнейших вызовов, отсутствие адекватных ответов на которые опустит агросферу еще на одну ступень деформации и упадка.

Первый вызов.

Расхождение между векторами существования села, функционирования аграрного сектора и концептуализации, отраженной в долгосрочных целях, институализации, опирающейся на нее текущем управлении. Адекватный ответ не складывается из-за отсутствия единства взглядов в обществе на перспективы существования деревни. Единение воли подрывается удовлетворительным решением продовольственных проблем, путем узкоотраслевого подхода и создает иллюзии благополучного состояния агросферы. Велико давление субъектов технократических воззрений в обществе на социальную сущность деревни, считающих, что повсеместное размещение сельских поселений не нужно, достаточно их будет в пригородной зоне. Адекватный ответ возможен при перевесе сторонников равномерного рассредоточения сельского населения, по крайней мере, в зонах традиционного земледелия. К этому же может подтолкнуть усиление пресса зарубежных мигрантов на приграничные (тоже пустующие) территории.

Второй вызов.

Запредельный уровень деформации социально-демографической структуры и ослабление репродукции социально-профессионального социума АПК. Ограничение действенного ответа: устойчивость предпочтения сельчанами ценностей городской жизни, неэффективность мер государства, направленных на преломление этой тенденции; отсутствие согласованности между производственной и социо-культурной сторонами сельского пространства.

Статистические данные переписи 2010 г. (новых еще нет) демонстрируют крайне негативные тенденции. На этот период было 19416 деревень без населения; еще 82770 – в стадии приближения к этому статусу (с численностью 1-10; 11-50; 51-100 жителей). Это более 1 млн человек, часть из которых переселится в крупные села (людностью от 3000 и более), сохранивших положительную динамику, но их всего 1,9 тыс. на всю сельскую территорию [8]. По

прогнозам, суммарная численность мужчин в возрасте 55-59 лет и женщин 50-54 лет, которые к 2020 г. перейдут в пенсионный возраст, будет больше численности замещающей группы (10-14 лет) на 812 тыс. человек. Усилится тенденция снижения численности женщин репродуктивного возраста: к 2020 г. на 184 тыс., к 2025 г. на 70 тыс. Из-за демографического провала в 90-х годах XX века оказалось, что в 2015 г. вступило в детородный возраст на 560 тыс. меньше женщин, чем выбыло из него [9].

Это наиболее сложный вызов, своеобразно сочетающий смыслы сельских жителей, которые либо могут быть материализованы, найти применение в деревне, либо в принципе не могут. Существует значительный пласт повседневности, который возможен в городе и затруднен или невозможен вообще в сельской жизни. Чаще всего это связано с детьми. Если примерно к 40 годам сельские мужчины и женщины, даже неудовлетворенные жизнью в селе, перестают искать каналы миграции по оттоку, ограничивают свою жизнедеятельность в пределах возможного, то для своих детей им хочется создать иное будущее, прежде всего по раскрытию и реализации их способностей и талантов, профессиональной значимости и мобильности.

Для подтверждения этого достаточно привести такие доказательства. Перечень профессий в АПК невелик, к тому же мало и штатных единиц инженеров, ветврачей, экономистов во всех укладах АПК, а в связи с сокращением населенных пунктов «неперспективного развития» не требуется большого количества учителей, медицинских работников и других учреждений социальной сферы. Кроме того, родители вправе желать для своих детей профессиональной реализации, не связанной с селом и его ограниченной средой обитания. Совершенно очевидно, что сельские дети как будущие живописцы, исполнители разных жанров сценического искусства, не имеют условий в жизненном пространстве села, чтобы выявить и развивать с раннего возраста свои способности.

Итак, адекватного ответа на данный вызов общество в обозримой перспективе, видимо, дать не сможет: сельские группы детородного возраста будут следовать той же логике, что их предшественники. Однако в этом процессе появились элементы самовоспроизводства, развитию которых могла бы помочь управленческая деятельность – ремиграция из городов, участники ее могут оживить социальную среду села. Она пока невелика, но может нарастать, во-первых, из-за скуки жизни в «человейнике» и, во-вторых, из-за перспектив ухудшения качества продуктов питания, изготовленных на базе индустриальных и химических технологий.

Третий вызов.

Опустынивание веками обжитой территории объединяет три составляющих:

- 1) консервация внутрисемейных отношений в крупхозах и у фермеров;
- 2) утрата солидарности и сплоченности сельских сообществ;
- 3) запустение среды обитания жителей сел.

Этот вызов является продолжением и следствием первого и второго вызовов. Чтобы создать предпосылки органичного, согласованного развития сельских территорий нужны воображение и воля, ориентированные на перспективные, а не на узко прагматические цели общества. Это означает, что нужно менять концепцию подхода к селу, начиная с признания перспективными тех форм организации труда, которые считают приемлемыми для себя сельские сообщества. Распространение агрохолдингов хотя и решает в той или иной степени обеспечение населения продовольствием (в основном зерном не самого высокого качества), но полностью отсекает сельское население в местах их функционирования от участия в производстве.

«Весной появляются откуда-то люди на сельскохозяйственной технике и засеивают зерновые вокруг нашего села. Посеяли – исчезли. Осенью опять появились комбайны и грузовики. Убрали за один день, увезли зерно и опять исчезли. К нам в село никто даже не зашел (женщина, 46 лет, Саратовская область).

Отсутствие каналов сбыта, трудности заготовки кормов приводят к тому, что часто в деревне лишь одна-две семьи содержат на подворье скот, хотя вокруг села есть места для сенокосения, формально все имеют земельные наделы-пай. Их арендуют малочисленные фермеры и корпоративные хозяйства на невыгодных для жителей условиях. Между тем микро-

экономика может быть успешной. Например, в Дании, где семья имеет в собственности 9-15 га земли, но производит продукции в 5 раз больше, чем требуется для собственного потребления, и благодаря помощи кооперативов без затруднений получает доходы [10].

Решая с помощью техники одни проблемы, люди обнаруживают, что возникают одновременно другие проблемы или усиливаются и те, ради которых создавались технические новшества. Об этом свидетельствуют и сельские практики. В настоящее время в АПК используется три типа техники, различающихся по производительности, комфорту использования и износу: иностранных изготовителей, новой отечественных заводов, старой советского времени (с которой больше всего проблем в эксплуатации из-за чрезмерного износа). Каждый из этих типов имеет свои социальные ограничения. Иностранная и отечественная новая техника, оснащенная электроникой, комфортна, удобна в эксплуатации, однако она (по техническим регламентам) недоступна ремонту «в борозде» или в мастерских фермеров и других укладов. Это делают специальные организации сервисного обслуживания. Однако по мере старения, в первую очередь отечественной техники, она становится объектом «переборки» и местных умельцев, тем самым преодолевается ущербность положения механизатора, действующего в роли подчиненности технике. Старая советская сельскохозяйственная техника (комбайны, тракторы, автомобили, прицепные орудия), хотя и «несет головную боль» механизаторам, но по-своему удерживает их мастерство, поскольку без постоянной переборки, замены узлов работать не может.

В методологическом осмыслении вызовов и ограничений важным моментом является установление соотношения, субординации этих понятий. На первое место должно быть поставлено понятие «ограничение» – социальное, экономическое, структурно-демографическое, политико-управленческое, информационно-образовательное, технико-технологическое и другие неудобства, с которыми сталкивается личность и группы людей (от коллектива, общности до социально-классовых структур). Они препятствуют свободному (в высшем значении этого слова) развитию человека. В то же время не существует обществ без ограничений, причем смыслы их разделяются большинством.

К одним ограничениям люди относятся спокойно, «без претензий» и даже обреченно. Показательно в этом отношении восприятие прогноза о социальных последствиях цифровизации, которая облегчит жизнь лишь в некоторых сферах, например, в банковской, в других затруднит. По мнению некоторых авторов, цифровизация выгодна узкому кругу манипуляторов общественного порядка, которому нужен не полнокровный человек, а легко управляемый потребитель. Роботизация наносит удар по квалифицированным работникам и представителям среднего класса, т.к. для обслуживания роботов не нужна высокая квалификация. Люди будут «выкинуты» со своих рабочих мест, но не найдут другой работы [11].

Однако длительное существование человека в условиях ограничений или признание их в состоянии, превышающем определенный уровень (далее так жить нельзя!). конституируется в вызовы и угрозы катастроф.

Таким образом, социальные ограничения – следствие саморазвития систем, в котором неизбежно присутствуют противоречия присоединения, стыковки одних элементов с другими. Это может происходить в природной сфере, влияя на условия жизни человека, но чаще всего противоречия обостряются при его вмешательстве, игнорирующем принципы сохранения природы и человека. Еще одно поле социальных противоречий – взаимодействие людей в процессе функционирования общества, его регулирование с помощью институализации форм жизнедеятельности на разных уровнях. В результате возникает множество интерпретаций, в разной степени нагруженных беспокойством о перспективах реальности, в которой находятся акторы. При этом смысловая нагрузка происходящих (или назревающих) перемен как вызовов у разных социальных групп между собой и у властных структур неизменно оказывается неидентичной. Одни вызовы актуальны и воспринимаются как угрозы, на которые нужно отвечать немедленно, ответ на другие можно отложить, так как они еще не проявляются достаточно зримо, представляются малозначимыми или сознательно затушевываются в угоду себе сильными группами.

Человечество с древнейших времен понимало значимость ограничений и самоограничения, прежде всего в контексте свободы. Об этом рассуждали Платон и Аристотель. Идеальной считалась ситуация доминирования самоограничения, отсутствие напряженности в восприятии внешних ограничений. В послании коринфянам ап. Павла сказано: «Все мне позволительно, но не все полезно, все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 10:23). Однако в обществе продуцируются не только культурные ценности, позитивно изменяющие духовную природу человека, но возникают разного рода контркультуры, способствующие распространению девиантного и делинквентного поведения людей, некомпетентности и коррумпированности управленческих структур. В этой связи актуальность приобретают научные исследования, которые бы оценивали доминирующие вызовы по их остроте и последствиям и ресурсы, позволяющие давать на них адекватные ответы.

Применительно к агросфере актуальны:

- анализ стратегий, программ и проектов, адресованных селу, и обоснование их корректировки;
- оценка тенденций репродукции сельской поселенческой структуры и обоснование человекосоразмерных ответов на ситуацию опустынивания сельской России в обозримой перспективе;
- выявление сущности латентных ресурсов сельских сообществ с устойчивой динамикой, дающих адекватные ответы на общие трудности существования в целях распространения опыта на более широкое пространство.

Список литературы

1. Тойнби А. Д. Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. - 1041 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. – М.: Русский язык. – 1979. – Т. 2. - С. 647-648.
3. Шеллинг Ф. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1987-89. – Т. 1. – С. 417.
4. Большой толковый социологический словарь. В 2 т. / пер. с англ. – М.: Вече – АСТ, 1999. – Т. 1. - С. 518.
5. Михайлов В.В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека. Изд. 4-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. - С. 169.
6. Юнгер Э. Рабочий. Государство и гештальт. – СПб.: Наука, 2000. - С. 240.
7. Бергер П. Социология как способ времяпровождения. – М., 2005.
8. Об итогах Всероссийской переписи 2010 года. Материалы официального сайта федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
9. Конкурентоспособность агро-продовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. Ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017. - С. 251-253.
10. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации / под ред. Ю.С. Воронова. – Саратов: Научная книга, 2012. - С. 224.
11. Кожемякин В. Под властью нелюдей // АИФ. - № 52. – 2017. - С. 26.